

Содержание

Двоюродная жизнь

- Легкая девочка 7
- Зассыка 12
- Незнакомый мужчина 24
- Атмосфера 34
- Мира и Мура 42
- О серьезном и развлечениях 48
- Всякому овощу — свой фрукт 49
- Нет ничего страшнее идеала 50
- Не надо лгать 51
- Потерпите немного, и все наладится 52
- Сидит милый на крыльце с выраженьем на лице 53
- Вспоминая «Пресс-клуб» 55
- Штрих к портрету большого поэта 59
- Три встречи 61
- Восемь с половиной причин не читать книги 63
- Посоветовать книгу 65
- Из жизни книголюбов 67
- Об уместности сравнений 71
- Упражнение 75
- Найдите восемь различий 80
- Искренность 82
- Наследник всех своих родных 88
- Плен, свобода и любовь 90

Контролер	94
Перекличка	101
Темное дыхание, легкие аллеи	104
Двое	105
Двоюродная жизнь	106
Яхта из чистого золота	109
Повесть об Аглае и Агни	122
Повесть зело душеполезна	128
Ricchi e Poveri	130
Padri e figli	131
Пространство. Истинное происшествие	133
Парадоксы порядочности	133
Избирательное сродство	135
Любовь интеллектуалов	138
Диалог о счастье	140
О гордой неряхе замолвите слово!	143
Снова о разуме и честности	145
Не стану рассказывать, что было дальше	148
Дилемма котика	151
Роман	156
Старинный вальс	158
Принцесса и пастух	164
Из старинной книги	167
Что такое философия	169
Видал я ваш экзистенциализм!	175
Прусская литература	177
Сеньор Аче дает интервью	179
О внезапных расставаниях и бегствах	187
Annorum series et fuga temporum	191
Бизнес-ланч	194
Об искусстве подбора вин к блюдам	200

Гуляка праздный	202
Пятьдесят рублей	205
Тапочки	208
Хлеб наш насущный, нарезанный правильно	209
Зима. Ночь. Девушка	211
Варианты	213
Защита и опора	215
Влюбленному всегда везет	217
Равноправие	219
Выдержка и чувство юмора	223
Ангел, любовь и зависть	225
Загадочная женщина	229
Ждисувод	232
Частный фельдшер	238
Клинический случай профессора Васильченко	246
Обрыв	248
Хлеб, чай, сахар	254
Эпистолярный жанр	258
Las chicas	261
Мы простимся на мосту	267
Почти по Мопассану	275
Превращение	280
Красавчики	286
Не было	295
Лицо, одежда, душа и прочее	297
Шепот, робкое дыханье	307
После тела	313

Третий роман писателя Абрикосова 343

ДВОЮРОДНАЯ ЖИЗНЬ

рассказы

девятнадцать ноль-ноль
ЛЕГКАЯ ДЕВОЧКА

— Мама! — вдруг позвала Юля из своей комнаты. — Ты где?

Наталья Сергеевна замерла и приоткрыла рот. Потом прикусила губу. Не сказать чтобы задохнулась. Но сердце забилось, и шея вспотела, сзади. Она вытерла испарину ладонью. Слава тебе, господи. Наконец. Шесть лет прошло. Девочка первый раз произнесла это слово.

Какое счастье.

А как ужасно все начиналось!

Они с Дмитрием Васильевичем чуть не развелись из-за этого. Нет, вы представляете себе: муж вдруг заявляет жене, что у него есть дочь. Побочная, извините за выражение. Девяти лет. Зовут Юля. Говорит, что он ее признал, дал свою фамилию. И что он всё это время тайком ей помогал. То есть маме ее помогал, на самом-то деле. Маму зовут, конечно же, Кристина. «Конечно» — это с горькой иронией произнесла в уме Наталья Сергеевна; хотя что такого в имени Кристина? Да ничего; а все равно: она просто Наталья, а там такая вся из себя, ах, Кри-стиии-на.

Правда, муж клялся и божился, что с этой Кристиной он не общается и дочку последний раз видел два года назад. Он вообще сомневается, что девочка знает, кто ее папа.

— Ну и всё, — сказала Наталья Сергеевна и махнула рукой.

Но это было еще не всё.

Кристина собралась за границу, устроилась на хорошую работу и с потрясающей непринужденностью попросила Дмитрия Васильевича взять девочку себе. В свою семью. Тем более что у них с Натальей Сергеевной детей не было.

Наглость, конечно, несусветная. Замешанная на моральном шантаже: «а иначе я твою дочь отдам в интернат». В детский приют, проще говоря. Потому что своих родственников у этой Кристины не было. Или были где-то на Хренуткином Хуторе, и она с ними дела иметь не желала. Да и вообще: отдать московскую девочку троюродной тете на Хренуткин Хутор — лучше уж в детский приют.

Наталья Сергеевна думала ровно десять минут. В полной тишине. Потому что было без десяти семь. Когда на телевизоре выскочили цифры «19:00», она встала с кресла и сказала:

— Берем.

Дмитрий Васильевич поцеловал жену и радостно сказал, что Юля — по словам Кристины, ее матери, — очень легкая девочка.

Да, правда.

Ни капризов, ни скандалов, ни требований, ни слез. И в школе порядок — со всеми в классе дружит, учится хорошо. Сидит за столом, подперев головку худыми

кулачками, и учебник читает. Вилку держит правильно. Спит ручки под щечку. Даже когда пошел переходный возраст — двенадцать, тринадцать, четырнадцать, — такая же вежливая. Дмитрия Васильевича называла папой, а Наталью Сергеевну — никак. Исхитрялась, чтоб без обращения. «Простите... А вот можно... Видите ли... Как вы думаете...» и все такое. И строго на «вы».

Наталья Сергеевна не давила на девочку в этом смысле. Просто старалась быть с ней еще ласковее, еще мягче и роднее.

Потому что буквально через два-три месяца после того, как Юля переехала к ним, Наталья Сергеевна полюбила ее. Это как-то само случилось, незаметно, но быстро: непонятный чужой ребенок, посторонний человек в доме, вдруг превратился в часть ее жизни, в «кусочек себя», как признавалась Наталья Сергеевна мужу. Возвращаясь со службы домой — особенно осенью и зимой, когда свет зажигают рано, — она стояла недолго во дворе, всматриваясь в окна и радуясь, если там мелькнет Юлина тень. А потом специально звонила в дверь, чтоб услышать легкий топот по коридору, и была счастлива. Она ждала, что все получится само.

Вот оно и получилось.

В пятнадцать лет Юля первый раз, так легко, естественно и просто, как будто говорила это слово по сто раз в день, позвала из своей комнаты:

— Мама! Ты где?

— На кухне! — отозвалась Наталья Сергеевна из кухни. — Иду, доченька.

— Что ты, что ты, это я к тебе иду..

Ах, этот милый невесомый топот почти детских ножек, обутых в тонкие домашние балетки! Юля вбе-

жала, обняла Наталью Сергеевну, посмотрела ей в глаза и сказала:

— Мама! Я получила письмо от... От Кристины Михайловны. В смысле от бывшей мамы. Ну, в смысле настоящей. Ой, нет. То есть биологической... Прости, запуталась...

Уселась на табурет и рассказала, что «мама Кристина» в Германии устроила себе личную жизнь. Вышла замуж за очень крутого дядю. Его должны избрать депутатом в региональную, эту, типа думу. Ландтаг, вот! А там журналисты. Они уже пронюхали, что его жена — то есть «мама Кристина» — оставила дочь в ужасной-опасной России. Это плохо для репутации перед выборами.

— А что, в России так ужасно опасно? — как-то некстати спросила Наталья Сергеевна.

— Да все понятно! — махнула рукой Юля. — В общем, надо, чтоб я была с ними.

— Непонятно вот что, — еще нелепее спросила Наталья Сергеевна. — Ты хочешь туда, чтобы выручить нового мужа матери? Или тебе самой очень хочется? Типа новая жизнь, да? — подсказала она.

Юля молчала долго. Наверное, минуту или две.

На кухонном таймере было 18:58. Выскочило 19:00.

— Я так тебе благодарна, мама! — чуть не заплакала Юля. — За всё, за всё!

Наталья Сергеевна собралась было сказать, что благодарность бывает не на словах, а на деле, но подумала — «Чего же я хочу? Чтоб девочка в отплату за шесть лет любви и заботы отказалась от новой жизни в новой стране? От прекрасной, интересной и легкой, как ей сейчас мечтается, жизни. Зачем?»

Поэтому она только спросила:

— А папа знает?

— Да, — сказала Юля. — Он мне оформил разрешение, сделал паспорт и купил билет.

— Дай я тебя поцелую.

— Мама! — Юля обняла и тоже расцеловала Наталью Сергеевну.

Наталья Сергеевна ощутила ее горячую щеку и подумала, что все-таки надо развестись с Дмитрием Васильевичем. Поскорее. Несмотря на двадцать три года совместной жизни. Но разве это жизнь, когда всё — вот так?

не намекать, не вспоминать

ЗАСЫКА

Миша Платонов провожал домой Лину Дадашеву и обоссался. В самом прямом смысле, простите.

Но по порядку.

Они учились в МГУ, в стекляшке Первого Гуманитарного, на каком точно факультете — неважно. Допустим, на философском. Или историческом. Не в том дело. Они учились вместе уже три курса. Лина очень нравилась Мише, а он ей — вряд ли. Тем более что они учились в разных группах. Так что у Миши не было возможности как-то намекнуть Лине о своих чувствах. Он даже толком не знал, что она такое, где она живет, как учится, чем интересуется. Все заслоняла ее красота. Ее опьяняющее обаяние — так выражался Миша в уме. Он вообще любил формулировать свои чувства — в уме, повторяю.

Лина Дадашева была очень красивая. Вы, наверное, подумали, что она была смуглая и чернокосяя восточная красавица, «каракёз», как говорят наши южные соседи, — но нет. Она была светлокожая, русоволосая и сероглазая, рослая, крупная, с округлыми плечами, розовыми пальцами и весьма рельефной фигурой, совершенно русская — от слова «совершенство». Фами-

лию она получила от своего прадедушки — он был то ли горец, то ли степняк, но потом его кровь растекалась по жилам славянских потомков, совсем растворившись в них.

Об этом она рассказала Мише в тот несчастный вечер, когда он пошел ее провожать и осрамился.

Не знаю точно, зачем она попросила его проводить ее до дому. Наверное, она уже давно ловила в коридоре смутные Мишины взгляды и слушала его нечаянные вздохи, когда на поточной лекции он садился выше нее и смотрел на ее шею — сзади, в вырезе платья. Наверное, ей захотелось узнать, что это за безмолвный поклонник.

Короче говоря, однажды февральским вечером в раздевалке Миша случайно увидел ее и бросился подавать ей пальто — то есть шубку из цигейки, которую она только что приняла из рук гардеробщицы.

— Ты домой? — спросила она, не заботясь о том, что они еще не знакомы.

— Домой, — сказал Миша, чувствуя, как у него бьется сердце.

— Проводишь, если время есть?

— Конечно! А ты где живешь?

— У метро «Парк Культуры». Мансуровский переулок.

— Отлично! — сказал Миша. — На метро по прямой, а там вроде рядом.

— Ну, на метро скучно... — поморщилась Лина.

— Отлично! — улыбнулся Миша. Ему понравился такой подход. — Тогда на такси. У меня деньги есть, ты не думай. Сейчас выйдем, перейдем на ту сторону и такси поймаем. Или левака.

— Ну, на такси... — она снова сморщила нос. — Неинтересно. Давай пешком! Заодно поболтаем.

Миша был счастлив.

Так счастлив, что забыл забежать в туалет перед выходом.

Они вышли из университетского двора через красивую чугунную калитку, пошли вдоль длинной кованой ограды, за которой торчали черные ветки деревьев, облепленные заледеневшим февральским снегом, потом перешли Университетский проспект, спустились к Метромосту. По дороге они наконец познакомились и даже пожали друг другу руки, и Мише понравилось, какая у нее нежная, но крепкая и горячая ладонь. Вот тут-то Лина и рассказала, почему она Дадашева при таком бело-розовом обличье.

Говорили обо всем — о ребятах, о кино, о книгах, о кафедрах, о профессорах, об иностранных языках, о планах на будущее — хотя какие там планы, только третий курс!

Миша обрадовался, узнав, что у Лины папа работает в издательстве «Прогресс», заведует редакцией, а мама — доцент в инязе. Миша боялся двух вещей — что Лина Дадашева вдруг окажется дочкой какого-то слишком большого начальника или, уж извините, совсем наоборот. Потому что Мишин папа был замдиректора по капитальному строительству московского завода «Предприятие почтовый ящик номер такой-то». Тогда так и говорили: работает в «почтовом ящике». Или на «номерном заводе». Папин завод только считался московским, а на самом деле площадки у них были по всей стране, и папа все время ездил в командировки. Страшно занятой человек. Но при этом успевал руководить сыном. В том числе в плане поиска не-

весты: «Дочка министра нам не нужна, но девочка совсем наоборот — еще хуже. Ищи золотую середину».

Кстати, жил Миша с папой и мамой в Черемушках, в старом краснокирпичном доме, в очень просторной квартире на третьем этаже, но без лифта.

Обо всем этом они разговаривали с Линой, но по-маленькому хотелось все сильнее. Миша перед Метромостом хотел было юркнуть в кусты — «сейчас, я буквально на минуту!» — но Лина почему-то сказала: «Ой. Темно, а там какие-то мужики. Не бросай меня!» — и Миша, конечно, ее не бросил.

Пошли дальше.

Дошли до устья Комсомольского. Миша уже чуть не на одной ножке скакал. А тут Лина вдруг увидела магазин и предложила зайти выпить соку. А там давали разливное пиво. «Ура! — сказала Лина. — По секрету: обожаю пиво! А по кружечке?» Миша не смог отказаться и выпил две по ноль двадцать пять — как Лина.

Потом ему казалось, что она все это делала нарочно.

Когда они вышли из на улицу, у Миши уже в глазах темно было, и словно острый камень перекатывался внизу живота.

— Ты какой-то мрачный вдруг стал, — сказала она. Остановилась, заглянула ему в лицо. Она была высокого роста. Может, даже выше его на полсантиметра. Глаза в глаза: — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Пошли быстрее!

— Пошли!

Она взяла его под руку, почти что прижалась к нему, и тут Миша почувствовал горячо в ногах. В правой ноге, точнее говоря. Он был в короткой драповой куртке, под брюками кальсоны. Все это намокло, потеплело и тут же стало остывать — потому что на улице

был если не мороз, то уж точно градусов пять ниже нуля.

Лина отдернула руку, отошла на два шага, взглянула на его потемневшую штанину и засмеялась:

— Описался? Обдулся, бедняга?

— Иди к черту! — крикнул Миша, повернулся и побежал прочь.

Забежал за угол дома и плюхнулся в невысокий сугроб. Потер обе штанины снегом. Набросал снегу себе на грудь, на рукава. Снова выбежал на проспект, стал ловить такси. Покосился и увидел — Лина на него смотрела с расстояния шагов в пятьдесят, но как только заметила, что он ее видит, тут же повернулась и пошла своей дорогой.

Таксисту Миша объяснил, что упал в мокрый снег.

— Выпил, что ли? — спросил тот.

— Малёк! — сказал Миша. — Наималейший чуток пива. Но с водочкой! — и через силу засмеялся.

Папа в командировке. Мама в гостях. Стирка, развеска, глажка, озноб, стыд и срам.

Утром Миша не пошел в университет, а вызвал врача из папиной ведомственной поликлиники, получил справку на три дня.

На следующий день пришла Лина. Просто так пришла, позвонила в дверь. Объяснила, что взяла адрес у его одноклассников.

Миша лежал на диване в пижаме, накрывшись пледом. Лина сидела, близко пододвинув к нему стул. «Упоительные бунинские колени, — думал Миша. — Из рассказа “Муза”. Круглые колени под просторной суконной юбкой... Где такие юбки берут? За эти колени можно отдать всю жизнь...»

Лина меж тем говорила, что очень рада их знакомству. И хочет дружить дальше. Но с одним маленьким условием.

— С каким?

— Очень просто, — сказала она. — Мы будем дружить, но ты никогда не подашь виду, не намекнешь и даже не вспомнишь про это... — она тихо засмеялась. — Про это смешное происшествие. В котором я ни чуточки не виновата. Ну а допустим, даже и виновата, ну и что? Даешь слово?

— Слово? Про что? — Миша не понимал.

— Что не намекнешь и не вспомнишь. Ну?

— Нет! — сказал склонный к самокопанию Миша. — Я не смогу. Не намекать вслух, это можно постараться. Но забыть — это вряд ли.

— Ну и пожалуйста! — Лина поднялась со стула. — А тогда я всем расскажу, что ты зассыка! В прямом смысле! Обоссался при девушке!

— Милости просим, — сказал Миша.

— Подожди, — Лина снова села на стул, придвинулась еще ближе. — Мне так не нравится. Я хочу с тобой помириться.

— Я подумаю.

— Не надо думать. Что тут думать? Давай в знак примирения ты попишешь на меня.

— А?

— Посикаешь. Ну как тебе объяснить? Сделаешь пи-пи.

— Вот прямо так? На это всё? — Миша с изумленным смешком показал на ее суконную юбку, на шерстяной пуловер, под которым была отглаженная полотняная блузка.

— Ну что ты... — ласково улыбнулась она, снимая пуловер через голову. — На меня на голенькую. В ванной.